

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА АЛЬФЫ.

Он отказался
от наших детей

Павел Лимонов

Ненужная жена альфы. Он отказался от наших детей

<https://litres.ru/74305523>

SelfPub; 2026

Аннотация

В день, когда моей дочери остается тридцать три дня до изгнания из внутренних земель стаи, Торен Арден делает выбор. Альфа, мой муж и отец Мары и Лиора, публично отказывается признать детей, чтобы сохранить власть и получить бесспорного наследника.

Я ухожу из его дома и возвращаюсь к работе лекарки первого оборота. Первая же проверка назначенного детям средства показывает серебро — примесь, которая месяцами подавляла превращение. Значит, их слабость не случайность. И пострадала не только наша семья.

Чтобы остановить тех, кто отнимает у непризнанных детей землю и будущее, мне придется вести расследование рядом с мужчиной, который поверил советникам, но не мне. Торен хочет исправить ошибку. Однако признать вину легче, чем отказаться от власти ради детей, которых он однажды вычеркнул из собственной семьи.

Я не вернусь к нему за обещание. Если альфа хочет начать сначала, сначала ему придется стать отцом.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел Лимонов

Ненужная жена альфы. Он отказался от наших детей

ГЛАВА 1

Решение за закрытой дверью

Меня пригласили в Дом собраний к полудню, но заседание уже шло.

Я поняла это по голосу Орена Реста. Он говорил негромко, как человек, которому не приходится добиваться тишины. За закрытой дверью его слова звучали глуше, однако я расслышала и свое имя, и имя дочери.

— До десятилетия Мары Арден остается тридцать три дня. Оснований для нового переноса нет.

Караульный у двери посмотрел на меня и положил ладонь на рукоять, хотя оружие доставать не собирался. Я знала Дана с тех пор, как он пришел в стражу нескладным семнадцатилетним мальчишкой. Сейчас он явно хотел оказаться на другом посту.

— Госпожа Арден, вам велено подождать.

— Кем велено?

Он не ответил. За дверью заговорил Торен:

— Читай дальше.

Я нажала на ручку. Дан не двинулся, и мне пришлось встретиться с ним взглядом.

— Если Торен решил обсуждать моих детей без меня, тебе придется остановить меня силой. Потом ты объяснишь Маре, почему ее мать не пустили на заседание о ее жизни.

Дан убрал руку с оружия и посторонился.

В малом зале сидели девять членов Старшего круга. Перед каждым лежала дощечка для записей, а возле Орена — две стопки бумаг, перевязанные серой лентой. Главный лекарь Берт Оллен занял место справа от него. Торен сидел во главе стола. На нем был темный камзол без парадной вышивки, но серебряный знак альфы лежал поверх воротника. Значит, это было официальное заседание, а не семейный разговор, как он обещал накануне.

Свободный стул оставили у дальнего края. Я не пошла к нему.

— Почему начали раньше?

Орен сложил ладони на столе.

— Мы начали в назначенный час.

— Меня пригласили к полудню.

— Сейчас без четверти двенадцать, — сказал Торен.

На стене за его спиной часы показывали то же самое. Я достала записку, полученную утром, и положила перед ним. Торен прочел короткую строку, потом взглянул на Орена.

— Кто передал приглашение?

— Один из младших писцов, — ответил тот. — Вероятно, ошибся.

— Назови его.

— После заседания выясним.

Это была мелочь, и именно поэтому я испугалась. Если бы меня не хотели видеть совсем, Торен отправил бы приказ. Вместо этого кто-то сдвинул время на четверть часа, чтобы первые слова прозвучали без меня и выглядели уже принятым порядком.

Я положила ладонь на спинку свободного стула, но садиться не стала.

— Я пришла обсудить независимый осмотр детей.

Берт Оллен поправил манжету.

— Я осматриваю их каждый месяц.

— Вы повторяете одно назначение и каждый раз говорите подождать.

— Потому что первый оборот нельзя вызвать по желанию матери.

— Я этого не предлагала. У обоих детей появились дрожь, слабость и металлический привкус после средства. Я просила заменить его.

— Привкус дает горький корень, — ответил Берт. — Это указано в прописи.

— В чистом настое горького корня нет металлического привкуса.

Орен нетерпеливо постучал ногтем по верхнему листу.

— Мы уже слышали ваши сомнения. Мастер Оллен представил заключение. Ни у Мары, ни у Льва не было полного оборота. Родовой знак дома Арден не подтвержден. Закон не позволяет вносить их в книгу стаи на основании материнской уверенности.

— Закон позволяет отцу признать детей до первого оборота.

В зале никто не зашевелился. Они ждали этих слов.

Я посмотрела на Торена.

— Ты можешь признать их сегодня.

Его лицо осталось спокойным. Когда-то эта выдержка казалась мне надежностью. За последние годы я научилась отличать спокойствие от решения не отвечать сразу.

— Безусловное признание приостановит мои полномочия, — сказал он.

— Я знаю.

— До общего собрания стая останется без действующего альфы. На восточной границе снова спорят из-за зимнего выпаса.

— Поэтому Мара должна перестать быть твоей дочерью?

— Я не говорил этого.

Орен придвинул к себе бумаги, но я не дала ему вмешаться.

— Тогда скажи, что ты говоришь.

Торен посмотрел на членов круга, словно проверял, все ли на месте. Потом поднял верхний лист перед собой.

— Я отказываюсь вносить Мару и Льва в родовую книгу до подтверждения знака. Срок Мары истекает через тридцать три дня. После этого ваш брак со стаей прекращается вместе с ее правом жить на внутренних землях.

— Наш брак со стаей?

— Не цепляйся к формулировке.

— Я хочу понять формулировку, которую ты выбрал для своих детей.

Торен отложил лист.

— Я обеспечу вас независимо от записи. Дом у северного сада подготовят. Ты получишь содержание, дети продолжают занятия с наставниками. Вам не придется уезжать из города.

— На каком основании они останутся после срока?

Ответил Орен:

— Как личные иждивенцы альфы. Такое разрешение можно продлевать ежегодно.

— И каждый год вы будете решать, достойны ли мои дети жить рядом с отцом.

— Не искажай сказанное, — произнес Торен.

Я повернулась к нему.

— Ты подписал отказ?

Он задержался всего на секунду.

— Подписал.

— Оба?

— Оба.

Я знала, что увижу на бумаге, но все равно протянула ру-

ку.

Торен передал мне два листа. На каждом стояли имя ребенка, дата рождения, отметка об отсутствии подтвержденного оборота и подпись отца. Чернила уже высохли. Документы приготовили не сегодня утром. Мое опоздание ничего не меняло.

— Ты обещал сначала выслушать Веду Тарн.

— Она больше не служит нашей стае.

— Поэтому ее заключение и нужно. Она не зависит от тебя и Орена.

Берт усмехнулся.

— Веда не осматривала ваших детей семь лет. Зато вы когда-то учились у нее и теперь хотите получить удобный вывод.

— Я хочу второе мнение.

— Ты хочешь отсрочку, — сказал Торен. — Мы перенесли решение дважды.

— Потому что Мара больна.

— По заключению мастера Оллена, она здорова. Волчья форма не развилась.

— Ты слышал, как ей тяжело дышать перед луной.

— Слышал.

— И все равно подписал.

Торен провел большим пальцем по краю своей дощечки. Он делал так, когда хотел выиграть несколько секунд, но не мог уйти от ответа.

— Я не стану подвергать стаю еще одному спору о наследовании.

Двенадцать лет назад его отец погиб во время такого спора. Я перевязывала раненых, которых привезли с перевала, и там впервые встретила Торена. Он тогда отказался заходить в отдельную палату, пока его люди лежали на полу общего зала. Я поверила, что мужчина, способный разделить их неудобство, никогда не поставит собственное спокойствие выше близких.

Он не выбирал спокойствие. Он выбирал власть, которой привык давать более благородные названия.

— Что будет после развода? — спросила я.

Торен выпрямился.

— Мы не обязаны решать это сегодня.

— Вы уже начали без меня, подписали отказ и подготовили дом. Значит, остальное тоже решили.

Орен ответил охотнее:

— Стая нуждается в признанном наследнике. После расторжения брака круг предложит альфе несколько подходящих союзов.

— Орен.

Торен произнес его имя негромко, но старик замолчал.

Я не почувствовала ревности. Для нее требовалась неожиданность, а я уже держала в руках два отказа. Новая жена была только следующим пунктом решения.

— Я правильно поняла? — спросила я. — Ты собираешь-

ся развестись со мной, жениться на женщине из старшего дома и признать ее ребенка, когда он обернется вовремя.

— Если до срока Мары не появится подтверждение, наш брак все равно утратит право на продолжение по уставу стаи.

— Это не ответ.

— Я рассмотрю договор, который обеспечит законное наследование.

— Вот теперь ответ.

Орен развязал вторую стопку.

— Госпоже Арден предлагаются достойные условия. Северный дом, ежегодное содержание, слуги и право сохранить фамилию. Взамен она отказывается от имущественного спора и не ставит под сомнение решения о новом браке альфы.

Передо мной положили соглашение. Я прочла первую страницу, перевернула вторую и остановилась на словах о детях. Торен сохранял право назначать им наставников, лекарей и место проживания. Мне оставляли ежедневную заботу и обязанность следить за лечением.

Все важные решения он собирался принимать по-прежнему.

— Я не подпишу это.

— Не спеши, — сказал Торен. — Возьми бумаги домой.

— Ты взял свои домой перед тем, как подписать?

— Я думал об этом много месяцев.

— Один.

— Мы обсуждали состояние детей.

— Мы обсуждали лекарство. Ты ни разу не сказал, что готовишь отказ.

— Потому что ты воспринимала любое сомнение как предательство.

— А что я должна увидеть в этих листах?

Он не ответил.

Я вернула соглашение Орену.

— Мне не нужен северный дом. У меня есть дом тети за мельницей.

— Он восемь лет стоит закрытым, — сказал Торен.

— Значит, сегодня открою.

— Там нельзя жить с детьми без ремонта.

— Я решу, что нужно сделать.

— Селина, не превращай их переезд в наказание для меня.

Я не сразу поверила, что он произнес именно это.

— Они потеряли дом, семейный знак и право на стаю. Но наказывают, по-твоему, тебя?

Торен поднялся. Несколько членов круга сразу отвели глаза. Он был выше каждого мужчины за столом, сильнее большинства и мог одним приказом остановить оборотня, который принес ему клятву. Мне его приказ не грозил. Я не унаследовала волчью форму и никогда не приносила клятву стае. Однако двенадцать лет я сама уступала ему место в каждом споре, который он называл делом альфы.

Сегодня уступать было некуда.

— Дай мне два дня, — сказал он. — Дом приведут в порядок, дети спокойно переедут. Мы поговорим без круга.

— Ты уже поговорил без меня.

Я обратилась к писцу:

— Где заявление о разводе с моей стороны?

Молодой мужчина растерялся и посмотрел на Орена.

— Мы подготовили только предложение господина Ардена.

— Дайте чистый лист.

— Селина.

— Ты решил, что брак нужно расторгнуть. Я согласна. Но условия напишу сама.

Писец принес бумагу и чернила. Я села на свободный стул, тот самый, который оставили у дальнего края, и составила короткое заявление. Отказывалась от северного дома и содержания, не отказываясь от доли общего имущества. Требовала оставить детей со мной до завершения независимого медицинского осмотра. Указывала, что любые назначения после сегодняшнего дня должны подтверждаться лекарем гильдии.

Имя и дату я вывела без единой пометки. Писать было легче, чем слушать.

Я поставила подпись, промокнула лишние чернила песком и подвинула лист писцу.

— Зарегистрируйте сегодня.

Торен смотрел на меня поверх стола.

— Ты не обязана уходить немедленно.

— Обязана. Иначе Мара решит, что от отказа отца ничего не меняется.

— Я сам поговорю с детьми.

— Поговоришь. Когда они будут готовы тебя видеть.

— Ты не можешь запрещать мне встречи.

— А ты не можешь назвать их чужими в этом зале, а дома потребовать прежнего доверия.

Я забрала копии отказов и вышла. Дан у двери шагнул в сторону раньше, чем я подошла.

До главного дома я добралась пешком. Экипаж ждал возле Дома собраний, но кучер служил Торену, а мне хотелось хотя бы один раз выбрать дорогу самой. Путь занял четверть часа. Я успела решить, какие комнаты в доме тети можно привести в порядок к ночи и кому отправить записку.

Мара нашла меня в передней. Она была в учебном платье, волосы выбились из косы. За ней спустился Лев, держа в руке деревянного волка без одной лапы.

— Ты рано, — сказала дочь. — Отец говорил, заседание будет долгим.

— Оно закончилось.

— Веда приедет?

— Я попрошу ее приехать к нам.

Мара посмотрела на мое лицо, потом на свернутые бумаги.

— Он отказался?

Я могла сказать, что взрослые еще разбираются. Так говорили детям, когда хотели отложить их боль до удобного времени. Мара ждала ответа уже несколько месяцев.

— Да. Торен пока не внесет вас в родовую книгу.

Лев нахмурился.

— А потом внесет?

— Я не знаю.

— Ты же говорила, он может сам.

— Может.

Мара медленно сняла с воротника маленькую серебряную застежку с тремя чертами дома Арден. Ее вручали детям альфы до появления родового знака. Торен сам прикрепил застежку к первому праздничному платью дочери.

— Значит, это больше не мое?

— Твое. Он подарил ее тебе.

— Но носить нельзя?

Я не знала, какое правило круг придумал для детской застежки. И не собиралась спрашивать.

— Носить можно, если ты хочешь.

Мара закрыла ее в ладони.

— Не хочу.

Лев посмотрел на своего деревянного волка и спрятал его за спину, словно игрушку тоже могли отнять.

Я опустилась перед ними на корточки.

— Мы сегодня переедем в дом двоюродной бабушки Нейлы. Помните мельницу возле северных ворот?

— Там пыльно, — сказал Лев.

— Очень. Поэтому мне понадобятся два помощника.

— Отец поедет?

— Нет.

Он опустил голову. Мара положила руку ему на плечо, но сама ко мне не приблизилась.

— Вы разводитесь? — спросила она.

— Да.

— Из-за нас?

— Нет. Из-за решений взрослых. Ни твой оборот, ни состояние Льва не сделали вас виноватыми.

— Он женится на другой?

Я вспомнила довольную готовность Орена перечислять будущие договоры.

— Возможно. Но сначала мы разберемся с вашим здоровьем.

Мне понадобилось меньше часа, чтобы собрать одежду, тетради детей, лекарства и самые необходимые вещи. Остальное я велела оставить. Служанки молча складывали белье, пока экономка пыталась выяснить, какие сундуки принадлежат лично мне, а какие дому альфы. Я взяла только то, что могла без спора назвать своим.

Торен не вернулся до нашего отъезда.

Вечером мы добрались до дома у старой мельницы. В комнатах пахло пылью, сухим деревом и давно погасшей печью. Я открыла ставни, растопила кухонный очаг и застелила де-

тям одну кровать в бывшей комнате тети. На вторую у меня не хватило чистого белья.

Лев устал настолько, что не спорил. Он сел у стола, положил голову на согнутые руки и позволил мне измерить температуру. Она была немного выше обычной.

До независимого осмотра оставалась одна вечерняя доза назначенного средства. Если оно действительно сдерживало оборот, резкая отмена без лекаря могла вызвать приступ. Другого мастера рядом не было, а я все еще считала, что спорю с Бертом об эффективности, не о яде. Налила ложку густого настоя, проверила количество на свет и подала сыну.

Лев проглотил, поморщился и потянулся к кружке с водой.

— Опять железом отдает.

Я поставила флакон ближе к лампе. На дне лежал тонкий светлый осадок, которого утром я не заметила.

— Давно? — спросила я.

— Не знаю. Всегда, наверно.

— После каждой ложки?

Он кивнул и выпил воду.

Мара подошла к столу.

— У меня тоже. Я говорила мастеру Берту.

— Что он ответил?

— Что лекарство не обязано быть вкусным.

Я закрыла флакон, завернула его в чистое полотенце и убрала на верхнюю полку. Следующую дозу дети не получают,

пока я не узнаю, что осело на дне.

Потом я нашла лист, на котором еще утром собиралась записать вопросы для заседания, и написала Веде Тарн одну строку: «Приезжай как можно скорее. Мне нужна медная проба».

ГЛАВА 2

Дом у старой мельницы

Утром я нашла в кладовой три целых ведра, таз с трещиной и мышинное гнездо в мешке, где тетя Нейла когда-то держала сушеную мяту.

Для первого дня этого было достаточно. Ведра можно было вымыть, таз — отставить, мешок — вынести во двор. Хуже обстояло с печными трубами, запасом дров и замком на задней двери. Он закрывался изнутри, но ключ поворачивался только после нескольких попыток.

Я записала все на полях старой счетной книги. Ремонт требовал денег, а их количество я знала только приблизительно. До раздела имущества Торен имел доступ к общему счету, я — к сумме на хозяйственные расходы. Вчера я не взяла из главного дома ни монеты сверх того, что лежало в моем кошельке.

Шести недель должно было хватить, если не нанимать слуг и не менять крышу. О крыше я пока предпочитала не думать.

Дети спали в одной кровати. Лев занял место у стены и во сне подтянул колени к животу. Мара лежала поверх покрывала, хотя в комнате было прохладно. Я коснулась ее лба, потом сына. Температура у обоих оставалась немного выше обычной, но кожа была сухой, дыхание ровным.

Мара открыла глаза.

— Я не сплю.

— Уже вижу.

— Ты опять проверяешь нас?

— Проверяю.

— Мастер Берт говорил, что от этого ничего не меняется.

— От его осмотров тоже пока ничего не изменилось.

Она села, придерживая покрывало у груди.

— Отец придет?

— Я не знаю.

— Он знает, где мы?

— Знает.

— Тогда почему не пришел?

Мне не хотелось придумывать Торену уважительную причину. Не хотелось и заставлять дочь ждать человека, который мог появиться в любую минуту.

— Это надо спросить у него.

— Если придет, я спрошу.

— Хорошо.

Мара посмотрела на брата.

— Он ночью просыпался. Пил воду.

— Давно?

— Когда на мельнице били два часа.

Старая мельница не работала много лет, но часы на ее башне продолжали отбивать время. Значит, Лев проспал после лекарства около четырех часов, потом проснулся от жаж-

ды. Я записала это рядом с температурой.

— Ты тоже просыпалась?

— От него.

— Был металлический привкус?

Она кивнула.

— Даже после хлеба.

— Сегодня лекарство не принимаем, пока Веда не осмотрит вас.

Мара не обрадовалась. Она слишком долго слышала, что без средства оборот станет еще труднее.

— А если мастер Берт прав?

— Тогда мы это проверим и вернем назначение.

— Отец рассердится.

— Решение принимаю я.

Эти слова прозвучали жестче, чем требовалось. Мара поджала губы, и я села рядом.

— Тебе не нужно выбирать, кого слушаться. За лечение отвечают взрослые. Если мы спорим, то обязаны получить независимое заключение, а не перекладывать решение на тебя.

— Ты тоже лекарь?

Она редко спрашивала об этом. В главном доме мои гильдейские книги хранились в закрытом шкафу, а инструменты давно передали в общинную лечебницу.

— Училась и работала до твоего рождения.

— Тогда почему нас лечил Берт?

Я посмотрела на свои записи. Честный ответ не помещался в одну фразу, но его нельзя было откладывать бесконечно.

— Потому что после свадьбы я перестала вести прием. Потом решила, что он знает нынешние правила и средства лучше меня. Возможно, это была ошибка.

— Ты ошиблась?

— Похоже на то. Я еще проверяю.

Она подумала, затем откинула покрывало.

— Что надо сделать в доме?

Мы начали с кухни. Мара вытирала полки, я перебирала посуду, Лев после пробуждения получил щетку с короткой ручкой и поручение собрать паутину там, куда мог дотянуться без табурета. Через четверть часа он заявил, что пауков в доме больше, чем людей, и предложил оставить им одну комнату.

— Взамен на что? — спросила Мара.

— Пусть ловят мышей.

— Это делают кошки.

— Кошки дороже.

Я не стала объяснять, что мышей ловят не все пауки. Дети впервые со вчерашнего дня спорили о том, что не касалось стаи.

Когда в дверь постучали, Лев спрятался за мою юбку. Мара осталась у стола с тряпкой в руке.

На пороге стоял пожилой мельник из соседнего дома. Рядом переминался его внук, которому я на рассвете отдала

записку для Веды. Мальчик вернул мне сложенный лист.

— Госпожа Тарн велела сказать, что выехала, — доложил он. — И что сдачи не будет, потому что я бежал быстро.

— Он действительно бежал, — подтвердил мельник. — Разбудил половину улицы.

Я поблагодарила обоих и спросила, у кого можно купить дрова. Мельник назвал цену, которая была ниже городской, и пообещал прислать человека проверить трубу. Он не задал ни одного вопроса о разводе, хотя наверняка уже слышал. В небольшом городе новости двигались быстрее экипажей.

Веда приехала через час.

Ей было пятьдесят три, но возраст первым замечал только тот, кто не видел ее за работой. Она вошла с двумя тяжелыми сумками, отдала мне меньшую и велела освободить кухонный стол.

— Ты давно здесь? — спросила она.

— Со вчерашнего вечера.

— Печь проверяли?

— Кухонную. В жилых комнатах пока нет.

— Дети где?

— Моют полки.

— Значит, стоят на ногах. Уже полезный признак.

Она сняла плащ, повесила на крючок и только после этого обняла меня. Коротко, без расспросов.

— Показывай записи.

Я передала ей листы с температурой, дозами, сном и жа-

лобами. Веда читала молча, иногда возвращалась к предыдущей строке. Она не сказала, что я правильно поступила, и не стала ругать за поздний вызов. Сначала ей нужны были факты.

— Последняя доза у обоих когда?

— Мара получила утром до заседания. Лев — вечером.

— Почему ему дала, если увидела осадок?

— Осадок заметила после приема. До этого видела только общую мутность настоя.

— Флакон встряхивала?

— Да.

— Хорошо. Не оправдывайся, отвечай точно.

Я кивнула. Когда-то эта манера злила учеников. Потом мы понимали: если человек боится осуждения, он начинает подгонять ответ под ожидание лекаря.

Веда позвала детей по одному. Сначала осмотрела Мару. Проверила глаза, рот, пальцы, посчитала пульс, попросила пройти по прямой и поднять руки. Затем посадила возле окна и закрыла одну ставню, чтобы посмотреть, как зрачки реагируют на разный свет.

— Перед полнолунием что болит? — спросила она.

— Спина. Иногда ноги.

— Где именно?

Мара показала поясницу и икры.

— Сколько длится?

— До утра. Потом я долго хочу спать.

— Сознание теряла?

— Нет.

— Пальцы менялись?

— Один раз ногти стали темными. Мастер Берт сказал, я испачкалась чернилами.

Я повернулась к дочери.

— Почему ты мне не сказала?

— Ты была там. Он сказал при тебе.

Я помнила тот осмотр. Берт взял ее руку, потер ноготь влажной салфеткой и показал серый след. Я согласилась, что это могла быть грязь.

Веда ничего не прокомментировала. Позвала Льва и повторила осмотр. У него дрожали пальцы, когда он вытягивал руки. При попытке пройти по прямой он один раз поставил ступню слишком далеко в сторону, поправился и сердито посмотрел на пол.

— Я умею ходить.

— Не сомневаюсь, — сказала Веда. — Сейчас я проверяю, одинаково ли слушаются ноги.

— Они мои. Кого еще им слушаться?

— Иногда мышцы устают раньше, чем ты замечаешь.

Лев принял объяснение и повторил путь. На этот раз медленнее.

После осмотра Веда велела детям поесть и лечь хотя бы на час. Мара попыталась остаться, но наставница указала на дверь.

— Взрослые сначала проверяют лекарство. Потом ваша мать объяснит то, что вам нужно знать.

— А вы ей скажете все?

— Все, в чем буду уверена.

Мара ушла. Лев задержался возле стола.

— Вы сделаете, чтобы не было железа во рту?

— Постараюсь выяснить, откуда оно взялось.

— Это не ответ.

— Верно. Другого пока нет.

Он вздохнул, но последовал за сестрой.

Я достала флакон, завернутый в полотенце. Веда осмотрела горлышко, воск и знак партии.

— Печать вскрывали только вы?

— При мне вскрывал Берт. Это третий флакон из одной выдачи.

— Пустые сохранились?

— В главном доме должны быть два. Я велела складывать лекарские сосуды отдельно.

— Велела кому?

— Экономке.

— Значит, сначала узнаем, не выбросили ли их после твоего отъезда.

Она вынула из сумки небольшой ящик. Внутри лежали две медные пластины, щипцы, стеклянные трубки, мерная ложка и спиртовая горелка. Все было завернуто по отдельности.

— Проба не даст нам заключения, — предупредила Веда.
— Она покажет, есть ли основание везти образец в гильдию.
Если пластина грязная, средство слишком густое или в травах много минеральной соли, можно получить похожий след.

— Я помню.

— Ты помнила восемь лет назад. Сейчас повторяю для себя и для тебя.

Я промыла стеклянную трубку кипяченой водой, вытерла руки и открыла флакон. Веда отлила часть средства в чистую чашку. Осадок остался на дне. Она не пыталась извлечь его отдельно: для первой проверки требовалась та смесь, которую получал ребенок.

Мы поставили пластину на железную подставку. Под ней горела ровная синяя полоса. Веда нанесла три капли настоя и уменьшила огонь.

— Не ближе, — сказала она, когда я наклонилась. — Если брызнет, получишь ожог и испортишь поверхность.

Жидкость испарялась медленно. Сначала остался коричневый след трав, затем по краю проступил светлый налет. Он не исчез, когда пластина остыла и Веда осторожно провела по ней чистой тканью.

Я знала, что это может означать. Все равно спросила:

— Похоже на серебряную соль?

— Похоже.

— В прописи ее нет.

— Нет.

— Такая доза могла задерживать оборот?

— Мы не знаем дозу. Не знаем, как долго примесь находилась во флаконе и одинакова ли она во всей партии. Серебро накапливается. У ребенка последствия могут начаться раньше, чем у взрослого.

— Металлический привкус, дрожь, слабость.

— Возможны и при других состояниях.

— Но здесь есть налет.

— Поэтому сегодня мы едем в гильдию.

Я взялась за спинку стула. Вчера в это время я думала, что мне мешают добиться второго мнения. Теперь простого второго мнения было мало.

— Я давала им это средство семь месяцев.

— По назначению действующего врача.

— И видела, что им хуже.

— Ты дважды требовала заменить его. Это есть в записях?

— Берт вел историю сам.

— Я спросила о твоих записях.

— В домашней книге отмечала приступы. Просьбы не записывала.

— Значит, сейчас не будем придумывать бумагу, которой нет. Найдем то, что можно проверить.

Мне хотелось услышать, что я не виновата. Веда не давала таких разрешений, потому что они не помогали действовать.

— Следующую дозу не даем? — спросила я.

— До осмотра гильдейским мастером — нет. Но дети

остаются под наблюдением. После отмены подавляющего средства оборот иногда начинается резко. Особенно если волчья форма уже пыталась проявиться.

— Что приготовить?

— Просторную комнату без тяжелой мебели, воду, чистые покрывала. Окна закрыть ставнями, дверь не запирать на ключ. При судорогах не удерживать руки и ноги всем весом. Если начнут меняться кости, не переносить ребенка без крайней необходимости.

Я записывала. Часть правил знала, но после восьми лет молчания мне нужно было снова услышать их в правильном порядке.

— Комната тети подойдет, — сказала я. — Там широкая кровать и два выхода: в коридор и в умывальную.

— Кровать вынести. На пол положить два слоя покрывал. Второй выход не загромождать.

— Сделаю.

— Не одна. Найми людей.

— У меня ограничены деньги.

Веда закрыла флакон.

— Тогда сначала заплати за трубу, дрова и помощь с мебелью. Новые занавески переживут зиму без тебя.

— Я не собиралась покупать занавески.

— Ты всегда начинаешь экономить с себя, а потом пытаешься поднять шкаф без помощника.

— Это было один раз.

— Мне хватило.

Она убрала пластину в отдельный футляр, не очищая. Светлый след предстояло показать в гильдии вместе с образом.

Снаружи послышался стук колес. В окно я увидела экипаж дома Арден. Кучер остановил лошадей возле ворот, а двое слуг начали снимать с крыши сундуки.

Торен прислал вещи, которые я оставила. Сам не приехал.

Слуги внесли одежду детей, мои книги, коробку с инструментами и два ящика лекарственных записей. Экономка приложила перечень. Внизу другой рукой было написано: «Пустые флаконы не найдены».

Веда прочла строку через мое плечо.

— Когда последний раз ты их видела?

— Четыре дня назад. Два стояли в шкафу рядом с новым.

— Кто имел доступ?

— Я, Берг, экономка и две горничные. Торен тоже, если заходил в детскую приемную.

— Не начинай с обвинения. Сначала выясним, кто убирал шкаф после вашего отъезда.

Я обратилась к старшему слуге:

— Кто собирал ящики?

— Госпожа Дерна, экономка. Мы только вынесли.

— Она передавала что-нибудь мастеру Оллену?

Мужчина помедлил.

— Утром он приезжал. Забрал лекарский ящик из детской

комнаты. Сказал, что господин Арден велел вернуть общинные средства.

— Торен был при этом?

— Нет, госпожа.

Веда попросила его повторить сказанное медленнее и записала имя. Потом отпустила слуг.

Я раскрыла коробку с инструментами. Мой старый гильдейский знак лежал сверху, хотя в главном доме хранился на дне. Кто-то нашел его и решил вернуть.

— Торен мог не знать, что Берт забрал сосуды, — сказала Веда.

— Мог. Но мастер сослался на его приказ, и никто не проверил.

— Это уже отдельный вопрос.

Она развернула чистое полотно и поставила на него флакон.

— Сейчас собери все лекарства, которые привезли. Не только это средство. Запиши название, дату открытия, знак на воске и остаток. Пустые упаковки тоже.

— Потом едем в гильдию.

— Потом дети едят, ты меняешь платье, и мы едем в гильдию. В таком порядке.

Я хотела возразить, что не нуждаюсь в напоминании о еде, но с утра выпила только воду.

Мы нашли еще два флакона: жаропонижающий настой Мары и капли для сна, которые Берт велел давать только

после тяжелой лунной ночи. На каждой печати стояли разные номера. У основного средства номер был седьмой, хотя я помнила, что предыдущий флакон имел пятую отметку.

— Шестая партия где? — спросила Веда.

— Один из пропавших сосудов.

— А четвертая?

— Второй.

Она записала номера.

— В гильдии проверим, что выдавали между ними и кому. Если примесь появилась случайно, она может быть в одной партии. Если в нескольких, нам понадобятся чужие образцы.

— Откуда их взять?

— Сначала спросим, получал ли кто-нибудь то же средство. У лекарей есть книги назначений.

— Берт не отдаст свои.

— Я не прошу его. Гильдия ежегодно принимает свод по средствам для первого оборота.

Я посмотрела на завернутый флакон. Семь месяцев я считала, что детям не помогает лекарство. Возможность, что оно мешало им выздороветь, была хуже. Она меняла не только диагноз.

— Нужно сообщить Торену, — сказала я.

— После подтверждения.

— Он отец.

— Вчера он отказался от этого слова перед кругом. Сегодня все равно получит медицинское заключение, если оно

касается его детей. Но сначала мы убедимся, что не обвиняем людей по следу на одной домашней пластине.

Веда убрала в сумку все три флакона, оставив мне перечень.

— И еще одно. Нужны все формы этого средства: новые, начатые, пустые. С теми же печатями и другими. Без них мы узнаем, что находится в одном сосуде, но не поймем, где появилась примесь.

— Найдем.

— Не обещаю раньше времени.

— Тогда начнем искать.

ГЛАВА 3

Серебро в лекарстве

Перед повторной пробой мастер Гален заставил меня трижды вымыть руки.

— Не потому, что я сомневаюсь в вашей чистоплотности, — сказал он. — В старых лекарских сумках серебряная соль встречается чаще, чем признания в небрежности.

Ему было около шестидесяти. Седые волосы он стриг коротко, а рукава закатывал до локтей, прежде чем прикоснуться к инструментам. На его столе не лежало ничего лишнего: две медные пластины, три одинаковые чашки, стеклянные трубки и закрытая жаровня с узким верхом.

Мы приехали в гильдейскую лечебницу к полудню. Мара и Лев находились этажом выше в комнате Веды. Оставлять их в доме без лекаря после отмены средства было нельзя. Я проверила их перед началом работы: температура не выросла, дрожь у Льва не усилилась, Мара жаловалась только на усталость.

Веда приготовила чистую смесь по прописи Берта. Я не участвовала, чтобы никто не заявил, что я намеренно изменила состав. Третий образец принес Гален из запечатанного гильдейского запаса. Это была вода с известной долей серебряной соли — контроль, который должен был дать явный след.

Он обозначил чашки буквами, затем попросил младшего лекаря переставить их, пока мы с Ведой стояли у окна спиной к столу.

— Никто не знает порядок, кроме мастера Нила, — сказал Гален. — Он вернется после того, как мы запишем результаты.

— Я понимаю слепую пробу, — ответила я.

— Тогда не мешайте объяснить ее писцу. Через неделю он забудет половину процедуры, а его запись останется.

За отдельным столом сидели двое свидетелей от гильдии. Один отмечал время, второй следил, чтобы для каждой чашки использовали чистую трубку. Мне хотелось самой проверить края пластин, положение жаровни и количество капель, но сейчас моя помощь только дала бы Орону еще один повод спорить.

Гален нанес первый образец и дождался полного испарения. На меди остался темный след трав. Он дал пластине остыть, провел по ней чистой тканью и показал свидетелям. Светлого налета не было.

Второй образец оставил по краю узкую белесую полосу.

Третий — плотный светлый слой, заметный с другого конца стола.

Гален записал результаты, только потом позвал мастера Нила. Тот развернул сложенный лист.

— Под первой буквой чистая смесь по прописи мастера Оллена. Под второй — средство, выданное детям госпожи

Арден. Под третьей — контрольная серебряная соль.

Веда посмотрела на меня. Я знала, чего она ждет.

— Сколько серебра во втором образце? — спросила я.

Гален одобрительно кивнул. Я спросила о пределах пробы, не пытаясь вынести приговор раньше заключения.

— Эта проверка показывает наличие примеси, а не точное количество. Для меры потребуется отделить травы и повторить исследование. Сделаем сегодня. Заключение будет завтра утром.

— Можно уже считать, что средство загрязнено?

— Можно считать, что во вскрытом флаконе обнаружена серебряная соль, которой нет в утвержденной прописи. Мы не знаем, попала ли она при изготовлении, хранении или после открытия.

— Флакон открывал Берт при мне.

— Это запишут с ваших слов. Для доказательства умысла нужны другие сосуды.

Писец поднял голову.

— Госпожа Арден, вы подтверждаете, что после вскрытия лекарство хранилось в запираемом шкафу?

— Шкаф запирался. Ключ находился у меня и у мастера Оллена.

— У вашего мужа?

— Нет. Торен мог потребовать ключ, но никогда этого не делал.

— У слуг?

— Экономка хранила запасной ключ от детских комнат. Не знаю, подходил ли он к шкафу.

Я отвечала точно, даже когда ответ ослаблял мою версию. Иначе проверка не имела смысла.

Гален убрал пластины в футляры.

— Пока мы работаем с количеством, Веда покажет ваши записи писцу. Затем обсудим наблюдение за детьми.

— Они останутся здесь?

— На ближайшие сутки — желательно.

Я посмотрела на Веду.

— Мара не захочет.

— Она может злиться в комнате наверху так же успешно, как дома, — ответила наставница. — Здесь есть лекарь на случай оборота.

Мы поднялись к детям. Лев сидел на полу и строил из деревянных дощечек загон для своего волка. Мара стояла у окна. Из комнаты был виден двор лечебницы, где разгружали корзины с бельем и мешки с углем.

— Нашли? — спросила она.

Я закрыла дверь.

— В вашем флаконе есть серебряная соль. Ее не должно быть в лекарстве.

Лев поднял голову.

— Это то серебро, от которого волки болеют?

— Да. Но мы пока не знаем, сколько его было и как оно туда попало.

— Мастер Берт положил?

— Не знаю.

— Отец знал? — спросила Мара.

— Не знаю. Вчера, когда он подписывал отказ, у него не было этого заключения.

Она отошла от окна.

— Ты ему скажешь?

— Гильдия отправит официальное извещение. Я тоже собиралась поговорить с ним после полного результата.

— А если он опять поверит мастеру Берту?

— Тогда это будет его решение. Проверка от этого не исчезнет.

Мне хотелось уверить дочь, что на этот раз отец поступит правильно. Но она уже заплатила за мои прежние уверения.

В коридоре быстро прошли несколько человек. Послышался голос Брана, потом дверь распахнулась без стука.

Торен остановился на пороге. За ним стояли Бран и незнакомый мне молодой лекарь общинной службы. Торен был без плаща, хотя снаружи моросил дождь. Темные волосы намокли у висков.

— Как дети?

Он смотрел на них, не на меня.

Лев встал, но не подошел. Мара скрестила руки.

— Теперь спрашиваешь? — сказала она.

Торен выдержал ее взгляд.

— Да. И должен был спросить раньше.

Это был правильный ответ. Он не отменял вчерашнего.

— У них нет признаков тяжелого отравления, — сообщил я. — Серебро во флаконе подтверждено предварительной гильдейской пробой. Точное количество определяют завтра.

Молодой лекарь шагнул вперед.

— Господин Арден распорядился перевести детей в общинную лечебницу.

Я повернулась к Торену.

— К Берту?

— Берта временно отстранили от личного наблюдения, — сказал он. — Детьми займется мастер Рейд.

Молодой мужчина обозначил поклон. Видимо, это и был Рейд.

— В общинной лечебнице есть охрана и отдельные комнаты, — продолжил Торен. — Здесь любой может войти с улицы.

— Здесь действует гильдейское право. Лекари не подчиняются Старшему кругу.

— Именно поэтому я не могу обеспечить безопасность.

— Ты только что вошел без стука с тремя людьми.

Бран кашлянул и посмотрел в сторону. Торен закрыл дверь.

— Мне сообщили, что у детей обнаружили серебро. Я не собирался ждать письменного заключения.

— Зато вчера ты не стал ждать независимого осмотра.

— Вчера речь шла о наследовании. Сегодня — о возмож-

ном отравлении.

— Это одна история.

— Пока не доказано.

Мара подошла ближе к Льву. Я заметила это и снизила голос.

— Дети останутся здесь хотя бы до утра. Веда наблюдает за ними после отмены средства. Перевозить их в лечебницу, где работает человек, назначивший загрязненную смесь, я не позволю.

— Берт не приблизится к ним.

— Его лекарства там останутся. Его подчиненные тоже.

Мастер Рейд побледнел.

— Госпожа Арден, я не являюсь подчиненным мастера Оллена в медицинских решениях.

— Вы знали о составе средства?

— Нет.

— Вы видели пропись?

— Только свод назначений.

— Тогда вы понимаете, почему мне требуется независимое место.

Он открыл рот, но Торен поднял ладонь.

— Где Веда?

— Внизу.

— Я поговорю с ней.

— Сначала спроси детей, хотят ли они переезжать еще раз.

Торен посмотрел на Мару.

— Ты хочешь остаться здесь?

— Да.

— Почему?

— Потому что мама и Веда сказали, что здесь безопасно.

— А Лев?

Мальчик пожал плечами.

— Тут дают сладкий чай.

— Это веская причина, — сказал Бран.

Лев впервые улыбнулся. Торен не стал пользоваться этой переменной и приближаться.

— Хорошо, — произнес он. — До заключения дети остаются в гильдии.

Мастер Рейд попытался возразить:

— Но распоряжение уже подготовлено.

— Отмените.

— Старший круг потребует объяснение.

— Получит его от меня.

Торен обернулся к Брану.

— Поставь двух стражников у входа. Они подчиняются правилам гильдии и не заходят в лечебные комнаты без приглашения.

— Сделаю.

— Не Дана, — добавила я.

Торен вопросительно посмотрел на меня.

— Вчера он не пустил меня на заседание по чужому ука-

занию. Я не знаю, чьи приказы он выполняет.

Бран нахмурился.

— Дан сказал, что вы вошли сами.

— Вошла. Но сначала он пытался меня задержать.

— Проверю.

Торен подошел к детям на один шаг.

— Можно я останусь до осмотра?

Мара посмотрела на меня. Я не ответила за нее.

— Недолго, — сказала она. — Леву надо спать.

Торен кивнул.

Я вышла вместе с Ведой в соседнюю комнату, оставив дверь открытой. Через проем было видно кровать и часть пола. Бран остался в коридоре, мастер Рейд ушел отменять перевод.

— Ты позволила ему остаться, — заметила Веда.

— Мара позволила.

— А ты не запретила.

— Он должен увидеть последствия своего решения.

Веда передала мне чашку воды.

— Не превращай медицинское наблюдение в наказание. Если его присутствие вредит детям, попросишь уйти. Если нет — не ищи другую причину.

— Ты всегда говоришь так, будто все просто.

— Я говорю конкретно. Простым это не становится.

Снизу позвали мастера Галена. Мы вернулись в рабочую комнату. На столе лежали результаты второй проверки: тон-

кая полоска бумаги с цифрами и подписью свидетеля.

— Количество невелико в одной дозе, — сказал Гален.
— Для взрослого оборотня оно не вызвало бы заметного подавления. Для ребенка при ежедневном приеме в течение нескольких месяцев достаточно, чтобы затруднить оборот. Особенно если средство накапливалось неравномерно.

— Неравномерно?

— Осадок. Если флакон встряхивали каждый раз, доза могла оставаться близкой. Если нет, последние ложки содержали больше соли.

Я вспомнила, как вчера встряхнула сосуд перед тем, как налить лекарство Льву.

— Последнюю дозу он получил из почти пустого флакона.

— Тогда ближайшие двое суток наблюдаем особенно внимательно.

— Можно определить, сколько серебра уже в организме?

— Только приблизительно по крови и состоянию. Возьмем малый образец, но рисковать большей потерей крови сейчас не будем.

— Что с лечением?

— Прекратить поступление, дать связывающую смесь, воду, пищу. Не пытаться ускорить вывод сильными мочегонными средствами. У детей быстро нарушится водный баланс.

Я записала дозировку связывающей смеси. Гален проверил каждую цифру.

— Для официального разбирательства этого недостаточ-

но, — сказал он. — Мы доказали серебро в одном флаконе. Защита скажет, что его добавили после вскрытия.

— Берт забрал пустые сосуды из главного дома.

— Это подозрительно, но само по себе не доказывает состав.

— В гильдии есть свод назначений.

— Названия и получатели есть. Образцов нет. Нужен хотя бы один флакон из другой партии, желательно из другой семьи.

Дверь рабочей комнаты открылась. На пороге стояла женщина в мокром шерстяном платке. Одной рукой она держала девочку лет восьми, другой прижимала к груди пустой лекарский сосуд.

— Простите, — сказала она. — Мне назвали госпожу Арден. Я Ана Дерс. Моя Ина принимает смесь для первого оборота.

Веда подошла к ней.

— Кто вас направил?

— Мастер Нил спрашивал в приемной, есть ли еще дети с такими назначениями. У Ины вчера свело пальцы, а сегодня она не смогла встать с кровати. Я принесла то, что осталось.

Женщина поставила флакон на край стола. На сером воске стоял знак Общего склада и номер пять.

Тот самый номер, который был на одном из пропавших сосудов Мары и Льва.

ГЛАВА 4

Дети из одной книги

Ана Дерс не позволила открыть флакон, пока мастер Гален не записал каждую трещину на воске.

— Мне потом скажут, что я сама туда что-то налила, — объяснила она. — Муж работает в доме Рестов. Если его выгонят, нам негде будет жить.

Она говорила тихо, но не просила нас отказаться от проверки. Ина сидела рядом, завернувшись в одеяло. Девочка была худой, с темными кругами под глазами. Она пыталась держать чашку двумя руками, однако пальцы плохо слушались, и мать помогала ей пить.

— Кто назначил средство? — спросил Гален.

— Мастер Оллен. Сказал, у Ины слабая кровь и нужно поддержать волчью силу.

— Какая доза?

Ана назвала количество. Оно совпадало с назначением Мары, хотя Ина весила заметно меньше.

— Когда начали прием?

— Пять месяцев назад. Сначала она стала лучше спать. Потом начала уставать. Мастер сказал, тело готовится к обороту.

— Флакон получали где?

— В общем складе. Мне выдавали по записке мастера.

— Состав готовили при вас?

— Нет. Сосуд уже был запечатан.

Я записывала ответы на отдельном листе. Веда занималась девочкой, Гален готовил пробу. Мы договорились не называть Ану и Ину в бумагах для Старшего круга до тех пор, пока гильдия не оформит защиту. В медицинской книге их настоящие имена сохранялись: лечить без истории было нельзя.

Проба партии пять дала такой же светлый налет, как средство моих детей.

Ана увидела его и прижала ладонь ко рту.

— Это серебро?

— Предварительно — да, — ответил Гален. — Мы повторим исследование и определим количество.

— Я сама давала ей каждое утро.

— Вы выполняли назначение лекаря.

— Но она жаловалась.

Ана опустила взгляд на руки, которыми каждое утро держала ложку. Я подошла и села напротив.

— Жалоба ребенка не всегда позволяет сразу найти причину. Сейчас нужно вспомнить дни приема, изменения дозы и все, что Ина принимала одновременно. Вина будет мешать вам отвечать точно.

Ана подняла на меня глаза.

— Вы тоже давали это своим?

— Семь месяцев.

Она перестала смотреть на меня как на жену альфы. Между нами осталось неприятное, но честное сходство.

— Я запишу все, — сказала она.

К вечеру в лечебницу принесли еще два флакона. Гильдейские мастера не разглашали найденное, но Веда попросила лекарей проверить книги назначений и связаться с семьями детей, у которых задерживался первый оборот. Одна семья отказалась разговаривать. Вторая прислала средство с посыльным и не указала обратный адрес. Третья приехала сама.

Мы получили четыре детские истории из разных частей города. Назначения делал Берт. Флаконы выдавал Общий склад. На печатях стояли номера два, пять и семь. Дети принимали смесь от четырех до девяти месяцев. У всех появилась слабость, у троих — дрожь, у двоих — металлический привкус. Только одному ребенку еще не исполнилось семь, поэтому родители не связывали симптомы с задержкой оборота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.